

ХРОНИКА

УДК 94(470.67)+39(470.67)

**ПАМЯТИ МАМАЙХАНА АГЛАРОВИЧА АГЛАРОВА
(1935–2017)**

Х.А. Амирханов,

доктор исторических наук, научный руководитель Института истории, археологии
и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

ihe_dnc@mail.ru

**MEMORIES MAMAİKHAN AGLAROVICH AGLAROVA
(1935–2017)**

H.A. Amirkhanov,

Doctor of historical sciences, scientific director of the Institute of the History of Archeology and
Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala

ihe_dnc@mail.ru

В возрасте 82 лет 14 марта 2017 г. ушел из жизни Мамайхан Агларович Агларов – выдающийся этнограф-кавказовед, ученый, который вместе с лучшими представителями своего поколения олицетворял этап становления и стремительного взлета гуманитарной академической науки в Дагестане. В человеческом измерении это невосполнимая утрата для родных, друзей и близких покойного. Но это и огромная потеря для дагестанской и российской исторической науки.

М.А. Агларов родился в с.Ашали Ботлихского района 27 марта 1935 г. в известной у андийцев семье учителей – Аглара и Байджат. После окончания средней школы в с. Ботлих

Мамайхан оказался в числе немногих одноклассников-выпускников, знаний и упорства которых оказалось достаточно для продолжения учебы в университете. В студенческие годы началось его профессиональное становление и приобщение к тому поколению дагестанцев, которые должны были олицетворять собой новую, послевоенную гуманитарную интеллигенцию республики. Завидная судьба лучших студентов исторического факультета, выучившихся в эти годы, предназначала их для возведения современного здания академической исторической науки в Дагестане. М.А. Агларову в этом была предуготовлена одна из первых ролей.

С того курса исторического факультета Дагестанского университета, на котором учился М.А. Агларов, вышла когорта видных ученых. В историю дагестанской науки вошли имена профессоров Магомеда Гаджиевича Гаджиева, Мурада Ибрагимовича Абакарова, Магомеда Шигабудиновича Шигабудинова, члена-корреспондента РАН Ахмеда Ибрагимовича Османова. Каждый из них – индивидуальность, личность неповторимая по характеру, влечениям, темпераменту. Но и объединяло их многое – талант, раннее взросление, целеустремленность, ответственность, верность избранному пути. Мамайхан не потерялся и не растворился в таком окружении. Его отличали исследовательская страсть, умение мыслить нестандартно, большая эрудиция, внимание к деталям и способность к синтезу. При этом в жизни он не был восторженным созерцателем или отшельником, ищущим творческого уединения. Не только в молодости, но и в зрелые годы оставался в гуще, а чаще в центре научных и общественных событий, если они не были дежурным «церемониальным» действием.

Трудовая книжка Мамайхана Агларовича не пестрит множеством записей. В ней обозначена дата поступления его на работу в 1961 г. в Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР (ныне Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН). А вторая дата – день его тихой кончины, после которой он будет продолжать жить только в доброй, уважительной памяти всех, кто его знал. Между этими двумя датами поместился жизненный путь, который был пройден от аспиранта до руководителя научного направления, и на любой дистанции этого курса он оставался блестящим ученым и достойным дагестанцем.

В начале 60-х гг., на заре научной деятельности М.А. Агларова основным трендом дагестанской этнографии было изучение материальной культуры. Одна за другой выходили монографии, посвященные описанию поселений, жилищ, домашней утвари, одежды, пищи, культуры хозяйствования народов Дагестана. Какая-то из этих тем казалась интереснее других, и исследователи, конечно, имели свои предпочтения, но выбор не всегда был за ними. Приходилось считаться с «производственной необходимостью». Мамайхану попадались разделы, представлявшие малоинтересными и даже бесконечно далекими от его предпочтений и навыков – например, раздел «пища». Казалось бы, от малоопытного еще сотрудника можно ожидать не более чем простого описания национальных блюд и способов их приготовления. Но уже в этих работах М.А. Агларов проявил свойственный ему многосторонний подход и рассмотрел предмет исследования как часть чего-то большего, что имеет свое определенное место в структуре общей культурно-исторической характеристики народа. В изучении и пищи, и сельскохозяйственной утвари, и способов традиционного земледелия, и других подобных объектов им демонстрировался метод анализа, присущий для еще не вошедших тогда у нас в моду структурализма и новых веяний культурной антропологии. В этих работах на конкретных примерах демонстрировалось, как через изучение названных выше, казалось бы, приземленных проблем можно выйти на освещение важных сторон многопланового этнического портрета народа.

Направление изучения материальной культуры и хозяйства по инерции оставалось доминирующим в дагестанской этнографической науке еще долгие годы. При этом оставались практически не изученными интереснейшие аспекты, имеющие отношение к социальной и политической антропологии народов Дагестана. Спектр этой тематики, конечно, гораздо сложнее дескриптивной этнографии. А обращение к ней давало возможность проникновения в самую суть специфики исторического процесса на территории региона. И не удивительно, что в центр этих проблем с азартом погрузился именно Мамайхан Агларович. Многолетняя работа в данной области привела исследователя к пониманию того, что в горном Дагестане можно наблюдать наличие глубокой взаимосвязи между спецификой социальной организации, формами политических институтов, традиционными устоями экономики и этногенезом. В переплетении множества факторов исследователю предстояло выявить ключевой элемент, который можно было бы использовать как основу для раскрытия всей картины в целом. В качестве такого инструмента была признана сельская община горного Дагестана.

Выбор указанного направления исследований и, как результат этого выбора – современное состояние социальной антропологии традиционного горно-дагестанского общества, являются несомненной научной заслугой М.А. Агларова. Защита в 1987 году докторской диссертации по этой теме и выход в свет монографии «Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX вв.» стали признанием поистине экстраординарной научной значимости проведенных исследований. Названное сочинение вошло в число тех, которые составляют ядро тематики такой универсальной социокультурной категории, как община. Недаром эта книга является, по данным РИНЦ (российский индекс научного цитирования), одним из двух самых востребованных изданий, когда-либо вышедших из стен Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, и она включена в список трудов, отнесенных к достижениям Российской академии наук. В 2015 г. работа была выдвинута на Государственную премию Республики Дагестан в номинации, относящейся к науке. Но соответствующая комиссия, к сожалению, предпочла ей какой-то краеведческий опус.

После изучения горской общины кажутся наивными принимавшиеся раньше характеристики тухума и джамаата – базовых социальных институтов традиционного дагестанского общества. Романтизированными и сильно упрощенными становятся и прежние интерпретации понятия «вольное общество». М.А. Агларов показал место этих общественных структур не в локальном рассмотрении, а в общеисторическом контексте. Содержание и роль этих институтов перестали выглядеть искаженными образами, преломленными призмой дагестанской социально-исторической экзотики. Применительно к горному Дагестану, по сути, была поставлена проблема сосуществования (и иногда борьбы) двух тенденций в формировании разнонаправленных типов государственного устройства – демократического «республиканского» и деспотического абсолютистского. «Вольные общества» – сельские общины и их союзы в этом исследовании были представлены в качестве политических образований с признаками государственности. Совокупность этих признаков была признана достаточной для того, чтобы рассматривать данное социальное устройство в качестве гражданской общины, или, другими словами, некоего прообраза республиканского государственного уклада. Излишне говорить, насколько велик контраст между существовавшими ранее оценками общественного строя большей части традиционного горно-дагестанского социума как патриархально-родового и теми концептуальными установками, которые вытекали из исследований М.А. Агларова.

Много внимания М.А. Агларов уделял проблемам этногенеза народов Дагестана. Нельзя не заметить то, насколько тонко он чувствовал современные тенденции в восприятии содержания самого понятия «этнос» и методологических подходов к изучению исторической реалии, стоящей за этим понятием. Он не был сторонником географической обусловленности этнического многообразия населения Дагестана. В формировании столь выраженной мозаичности языков, быта, традиций, древних верований чуть ли не решающую роль он отводил политическому и экономическому факторам. При таком взгляде на проблему этнос предстает не статичной этногеографической единицей, а изменчивым в своем историческом протяжении сообществом, бытие которого определяется взаимодействием политического фактора с экономическим и, косвенно, географическим. Под действием тех же факторов этнические образования не предстают в виде унылой однообразности и в любом синхронном срезе. Эти сюжеты особенно интересовали М.А. Агларова на позднем этапе его научной деятельности. Его последней большой работой было написание труда, посвященного характеристике этнической специфики обитателей горных долин (хиндалал) Центрального и Западного Дагестана. Эта работа была близка к завершению, и при необходимой редакторской подготовке рукопись может быть опубликована. Помимо всего прочего, и в этой последней работе М.А. Агларова видна свойственная этому большому ученому способность увидеть особенное и важное в том, что кажется обыденным и малозначимым. В данном случае из размеренного и, казалось бы, простого описания материальной культуры обитателей определенной географической области возникает портрет некоей большой совокупности людей, которая подходит под понятие одного из самых крупных субэтносов аварцев. Вместе с тем, более рельефно предстают органическая полиморфность и историческая неразрывность самого этноса в целом.

Мамайхана Агларовича, конечно, хорошо знали и относились к нему с пиететом коллеги из соседних республик. Он с радостью помогал начинающим ученым из Чечни и Ингушетии. Кавказоведы-этнографы из Петербурга, Москвы, Тбилиси и других городов, включая столицы европейских стран, прислушивались к его авторитетному мнению. Сам он был в курсе наиболее важных научных событий в области этнографии, происходивших в нашей стране и за рубежом. Ни

одна сколько-нибудь значимая работа, выходящая в свет, не оставалась вне поля его внимания. По поводу наиболее актуальных из них он откликался рецензиями, и они бывали отнюдь не дежурно-комплиментарными. Эта часть его научной жизни, как и все его творчество, способствовала утверждению высокой репутации научного сообщества республики в целом.

Весьма плодотворной была научно-педагогическая деятельность М.А. Агларова. Он готовил авторские курсы по направлению культурологии и многие годы читал их студентам Дагестанского государственного университета. Под его руководством выросли кандидаты и доктора наук, успешно осуществляющие свою деятельность в Дагестане и за его пределами. Научные доклады и лекции, читавшиеся им во время командировок, пользовались одинаково большим вниманием как в российских, так и зарубежных научных собраниях и студенческих аудиториях.

Благородство – это понятие в наибольшей степени подходило для характеристики Мамайхана Агларовича как личности. В близком общении с ним от окружающих это требовало особой «подтянутости». Он ставил чувство собственного достоинства выше других в шкале нравственных приоритетов. В его «ближний круг» не входили те, кому были свойственны приспособленчество и малодушие, не говоря уже о большем. Он бывал бескомпромиссным, когда сталкивался с отклонением от норм традиционного кодекса чести дагестанца. Был нетерпим к нарушениям профессиональной этики, деличеству в науке, переживал общее снижение в последние два-три десятилетия профессиональных стандартов и престижа науки.

Не сомневаюсь, что М.А. Агларов разделял мысль другого кавказца из другой эпохи – выдающегося ученого-гуманитария XIX в. Аббаса Кулиага Бакиханова, который писал: *«... богатство и власть подвержены потере, высокое происхождение без личных достоинств в чуждой земле останется незамеченным, а в своей причиняет стыд и одна только наука, проявляясь в умственных произведениях, может доставить нам счастье на земле и продлить наше существование после смерти»*. Думается, Мамайхан Агларович ощутил это счастье при жизни, и как никто другой вправе рассчитывать на благодарную посмертную память о себе. В конце своей книги «Андийцы: историко-этнографические очерки» он поместил собственный перевод на андийский язык стихотворения А.С.Пушкина «Памятник». Перевод приводится для того, чтобы продемонстрировать, как будет выглядеть на андийском языке стихотворный текст. Но, чтобы написать этот текст, необходимо было, ни много ни мало – создать для этого языка алфавит! Пусть это было сделано на основе имеющихся других дагестанских алфавитов, но это было сделано! Поэтому и некоторую пафосность в выборе именно данного стихотворения легко объяснить теми чувствами, которые не могли не владеть пылким, творческим человеком в момент, когда он закончил научный труд, посвященный народу своей малой родины. Такие чувства испытывает человек, который воспринимает свою работу и жизнь как служение.

И в своем коллективе, и в сообществе ученых Дагестана в целом Мамайхан Агларович воспринимался не только как профессионал с истинным научным авторитетом, но и как человек, являвшийся эталоном высокой нравственности. Хочется думать, что и новое поколение ученых, идущее на смену М.А.Агларову и его научному окружению, будет черпать вдохновение из чистых и нераздельных научных и нравственных истоков. А наши ушедшие из жизни старшие друзья-наставники будут светить нам приветным мерцанием далекой звезды.